

А.С. Васютин

Ещё раз о Кудыргэ

// *Степи Евразии в древности и средневековье*. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб: 2003 [на обложке: 2002]. Книга II. С. 224-227.

В сибирской археологии раннего средневековья продолжается пересмотр сложившихся представлений о могильнике Кудыргэ. Ставить точку в этом вопросе ещё рано. Проблемы интерпретации материалов могильника Кудыргэ связаны с решением ключевых вопросов не только саяно-алтайской, но и всей евразийской археологии и с историей раннего средневековья [Гаврилова, 1965; Амброз, 1971; 1973; Савинов, 1984; 1987; Кубарев, 1997; Азбелев, 2000 и др.]. В этой связи появление ещё одной «кудыргинской версии» весьма симптоматично — это ещё один вариант решения «кудыргинского» вопроса, основанный на нетрадиционном подходе к хорошо известным материалам. П.П. Азбелев объясняет повышенный интерес к Кудыргэ ярким своеобразием этого уникального памятника, несомненной принадлежностью его к переломной эпохе в истории Южной Сибири и Центральной Азии, давая тем самым широкие возможности для привлечения евразийских аналогий.

Отсюда следует, что научное значение могильникам сегодня ещё не исчерпано. Пример тому — анализ погребений «кудыргинского типа», трактованных ранее из-за неустойчивости и погребального обряда как разновременные захоронения. Однако, как считает П.П. Азбелев, следует говорить о чёткой системе погребального обряда Кудыргэ, не имеющей прямых аналогий на Саяно-Алтае. Вывод о «стандартно соотносённых» отдельных погребениях человека и коня, кроме могилы 18, сделанный по документированным наблюдениям, может быть принят. Но значительно важнее другое — основанный на этих наблюдениях вывод о могильнике Кудыргэ как о компактном инокультурном и иноэтничном кладбище отдельной кочевой группы, недолго обитавшей на Алтае [Азбелев, 2000, с. 4]. Новая версия прочтения кудыргинских погребений важна ещё и потому, что вновь возвращает нас к вопросу о датировке кудыргинского комплекса и его более глубоком анализе в контексте евразийской археологии.
(224/225)

Для датировки могил «кудыргинского типа» исключительное значение, по П.П. Азбелеву, имеет «колчанная пряжка» из могилы 15 византийского типа Бал-Гота или Сиракузы (?) [1]. По А.А. Гавриловой, это «обломок венчика медного сосуда», находившийся в центре ямы, где найден ещё роговой наконечник стрелы с раздвоенным насадом [Гаврилова, 1965, с. 26, табл. XXI, 5].

Согласно В.Б. Ковалевской, тип пряжек Бал-Гота — это овальнорамчатые пряжки с геральдическим щитком, с плавно изогнутыми боковыми гранями, заканчивающимися острым выступом или бородкой. Все такие щитки имеют прорезной орнамент в виде трилистника, в профиле они прямые со шпеньковым или петлевидным креплением. Если следовать логике морфологического анализа по П.П. Азбелеву, она должна быть ближе всего к варианту 7а типа пряжек Бал-Гота, с гладким щитком и острым выступом. В.Б. Ковалевская для пряжек этого типа предлагает расширенную датировку — от VII до начала VIII в., так как этот тип лёг в основу нескольких новых вариантов местного производства в Крыму и на Северном Кавказе в VII-IX вв. Для типа пряжек Сиракузы предлагается также широкая датировка — VII-VIII вв. Одна из таких пряжек найдена в верхнеобском могильнике Умна 3 в кургане 3 и датируется VII — началом VIII в. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 19]. Это односоставная пряжка со шпеньком и железным язычком, растительный орнамент нанесён гравировкой и сходен с орнаментом из пальметт на пряжках из Восточной Европы. В этой пряжке можно увидеть далёкие западные черты, но она без бородки или носика на щитке [Ковалевская, 1979, с. 23-24, табл. VII, 6-13]. В Сибири появление таких пряжек, видимо, надо относить ко второй половине VII в. Этому не противоречит датировка VII — началом VIII в. могильника Умна [Троицкая, Новиков, 1998, с. 19].

Если принять версию о том, что мы действительно имеем дело с одним из указанных типов византийских пряжек, то датировка сбруйных геральдических наборов Кудыргэ VII в., включая урало-сибирские аналогии, в том числе и таштыкские, представляется вполне вероятной. Самая заниженная датировка Изыхского склепа 1 с цельнолитыми геральдическими пряжками, с учётом материалов Кудыргэ, — не ранее конца VI — начала VII в. [Вадецкая, 1999, с. 122].

Нам уже приходилось писать о принципиальном типологическом отличии геральдических пряжек и псевдопряжек от таштыкских пряжек и псевдопряжек [Васютин, 1997, с. 263-269]. На единственном полном наборном поясе из склепа 5 Уйбатского чаатаса находятся шесть подвесных бляшек в виде миниатюрных цельнолитых псевдопряжек с мысыком-шпёнком [Добжанский, 1990, с. 25, табл. XVIII, 3]. Они копируют все детали таштыкских пряжек, что подтверждается и находками поздних таштыкских псевдопряжек в кудыргинских оградках (рисунок, 10, 13). Эти псевдопряжки не что иное, как миниатюрные таштыкские пряжки со всеми их конструктивными деталями [Васютин, 1997, с. 264-265, табл. III, 1-8]. Иначе говоря, поздние таштыкские псевдопряжки продолжают бытовать в VII в. параллельно с геральдическими псевдопряжками. В связи с этим возникает вопрос о хронологической близости геральдического стиля не только культурам Первого и Второго каганатов, но и массовом и длительном его употреблении в урало-сибирской культурной среде, вплоть до конца 1-го тыс. [Васютин, 1997, с. 266-268, табл. I, II]. Появление изделий геральдического стиля в урало-сибирской среде даже в VIII в., т.е. далеко за пределами традиционной кудыргинской даты, можно считать уже состоявшимся научным фактом [Мажитов, 1997, с. 22, 31-32, табл. I, группы А-Г; Беликова, Плетнёва, 1983, с. 80-82, 91-92, 93-96; Могильников, Конилов, 1983, рис. 2; 4; Плетнёва, 1984, рис. 10, 11; Генинг, Зданович, 1986, рис. III, 3, 4; Могильников, 1987, табл. ХСІХ, 20-44; Чиндина, 1991, с. 67-69, рис. 29, 19, 27; Троицкая, Новиков, 1998, с. 18, рис. 26, 13, 33-37 и др.]. Таким образом, попадавшие в урало-сибирский регион разными путями импортные вещи при варваризации исходных образцов могли употребляться местным населением достаточно длительное время, даже после гибели империй кочевников Евразии, во время которых они появлялись.

Вопрос о соотношении письменных источников с археологической периодизацией древнетюркской культуры Саяно-Алтая продолжает оставаться актуальным и в отношении Кудыргэ. Возможности исторической реконструкции не ограничены предложенным П.П. Азбелевым вариантом [Азбелев, 2000, с. 4-5] и остаются перспективными в свете принципиально нового положения о связи миграционных волн из Центральной Азии в Саяно-Алтай с упадком и разгромом Тюркских каганатов [Могильников, 1997, с. 221; Кубарев, 1997, с. 290-292]. Ещё более важен итог реконструкции этнополитической ситуации на Горном Алтае, позволяющий утверждать о её отличии от той исторической канвы, которая известна по письменным источникам [Кубарев, 1997, с. 297].

Таким образом, уникальный кудыргинский комплекс (погребения — культовые сооружения) лишь отчасти связан с эпохой Первого Тюркского каганата, а не в качестве некоего культурного реликта, как считает П.П. Азбелев. Определённая архаичность материалов Кудыргэ несомненна, что демонстрируют и новые находки (рисунок, 1-3, 5, 10, 13, 16, 17-19, 21). Помимо этого инвентарь кудыргинских оградок содержит вполне развитые формы изделий, синхронные началу катандинского этапа курайской культуры, последней четверти VII — первой половины VIII в. (рисунок, 4, 9, 14, 15, 22). Не случайно,

(225/226)

Инвентарь из культовых памятников кудыргинского времени Восточного Алтая (раскопки 1980-х гг.): 1-4, 16 — разнотипные стремяна с пластинчатыми и петельчатыми ушками; 5 — пряжка с язычком на псевдовертлюге и пластинчатым щитком-зажимом; 6 — пряжка с неподвижным пластинчатым щитком-зажимом; 7, 8 — бляхи-решмы с остатками уздечных ремней; 9 — геральдическая бесщитковая пряжка; 10, 13

— варианты сбруйных псевдопряжек таштыкского типа; 11, 12 — сбруйные украшения в виде полуобойм и трехчастной бляшки; 14, 15 — кольчатые распределители ремней с пластинчатыми скрепами; 18, 19 — крюки с поперечной планкой; 17, 20-22 — удила со стержневыми и кольчатыми псалиями (1-4, 6, 11, 12, 16, 17, 20, 21 — Кок-Паш; 5, 7-10, 12-15, 18, 19, 22 — Кудыргэ)

(226/227)

наибольшие разногласия среди нескольких поколений исследователей вызывает хронологический аспект изучения Кудыргэ, именно данный аспект определяет дальнейшую «судьбу» этого яркого культурного комплекса. От решения вопроса о одновременности или синхронности погребений и оградок зависит обретение Кудыргэ этнокультурного статуса.

Хронологические контуры Кудыргэ на шкале кочевнических древностей Саяно-Алтая в настоящее время проступают достаточно отчетливо. Новая хронология памятников предтюркского времени, в пределах V-VI вв. — начала VII в. [Васютин, 1999, с. 336-339], основана не только на саяно-алтайских материалах. В евразийском пространстве выявлен устойчивый комплекс признаков эпохи в экипировке всадника и в снаряжении верхового коня, формирующийся не ранее середины 1-го тыс., что подтверждается региональными периодизациями [Савинов, 1987; Засецкая, 1994; Троицкая, Новиков, 1998; Вадецкая, 1999 и др.]. Для Горного Алтая такая дата имеет исключительное значение. По установившейся традиции памятники раннетюркского времени, при отсутствии четкой периодизации, датировались с ориентацией на 460-552 гг. Эту хронологическую нишу и заполняли наиболее ранние оградки и погребения Кудыргэ. В дальнейшем археологические реалии оказались иными; канун и начало древнетюркской эпохи заняли памятники с культурными характеристиками, отличными от летописных тюрков-тугу. До сих пор на Алтае не удаётся сопоставить ни один памятник с эпохой Первого каганата. В этой связи вывод об отождествлении носителей курайской археологической культуры с «алтае-телесскими тюрками» [Савинов, 1984] кажется не столь уж парадоксальным.

Вполне вероятно, что выделение хронологической группы памятников V-VI вв. на Горном Алтае вызовет перемещение раннего комплекса Кудыргэ в VII в.

Однако безусловным остаётся положение А.А. Гавриловой о том, что памятники «кудыргинского типа» не образуют компактного культурного единства, но фиксируют определённый хронологический горизонт, связанный с эпохой древнетюркских государственных образований в Центральной и Средней Азии и на Саяно-Алтае.

[1] См. поправку в [веб-версии моей заметки](#). — П.А.